

ГОРЬКИЙ — НА ПРЕМЬЕРЕ «ДАЧНИКОВ»

11 ноября 1904 года Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской ставил премьеру — «Дачников» М. Горького.

Представление обещало стать событием и политическим. У театра сновали шпикни.

Вера Федоровна Комиссаржевская (в роли Варвары Басовой) с лицом, горящим вдохновением и отвагой, и Казимир Бравич (по пьесе — ее муж) шагнули на сцену. За кулисами стояли Владимир Александровский (Суслов), Екатерина Корчагина (Женщина с подвязанной щекой), Илья Матвеевич Уралов (Двоеотчие) и Владимир Гардин (Шалимов). Актеры следили за реакцией зала.

Однако первый акт прошел сравнительно спокойно. Лишь на реплику З. Холмской (Марья Львовны): «Вы хотели бы спрятаться от жизни... И я знаю, не один вы хотите этого, — людей испуганных немало» — с галерки раздался смех. Потом актриса произнесет: «А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, — вот ваша жизнь и получит смысл» — и зал взорвется аплодисментами.

«К третьему акту, — вспоминал В. Р. Гардин, — все актеры были так возбуждены, что горели, словно в лихорадке. В исполнении каждой роли ощущалось особое вдохновение. Настоящая дуэль между балконом и партером началась после слов Варвары:

— Разве можно так жить, как мы живем? Яркой, красивой жизни хочет душа, а вокруг нас проклятая суета безделья. Противно, тошно, стыдно жить так! И мне кажется, что скоро, завтра придут какие-то другие, сильные люди и сметут нас с земли, как сор!

Буря криков, топот каблук, свист, шипение раздались из первых рядов. Но сильнее их, сливаясь в один громовой раскат, загрели аплодисменты с балкона и с мест, занятых прогрессивно настроенной петербургской интеллигенцией. Их больше, чем злобствующих

«дачников», и ясно, что одолеют они».

Когда упал занавес, зрители вызывали автора. Он вышел. Стоял у самой рампы...

На следующий день Алексей Максимович писал об этом инциденте жене: «Первый спектакль — лучший день моей жизни... Никогда я не испытывал и едва ли испытаю когда-нибудь в такой мере и с такой глубиной свою силу... как в тот момент, когда после третьего акта стоял у самой рампы, весь охваченный буйной радостью, не наклоняя головы перед «публикой», готовый на все безумия — если б только кто-нибудь шикнул мне. Поняли и — не шикнули... Было что-то дьявольски хорошее во мне и вне меня, у самой рампы публика орала неистовыми голосами нелепые слова, горели щеки, блестели глаза, кто-то рыдал и ругался... «Товарищ! — Спасибо!» — «Ура! Долой мешанство!» Удивительно хорошо все это было. Чувствовал я себя укротителем зверей, и рожа у меня, должно быть, была зело озорниковатая... Вообще «было дело под Полтавой!»! Какие-то мужичины и дамы подбегали ко мне за кулисами, что-то говорили, плакали, жали руки и — прочее в этом духе. Четвертый акт прошел нелепо — все время аплодировали, прерывая артистов. В конце акта — общие вызовы. Из театра — едва ушел».

Но иную позицию занял бульварный «Будильник». Здесь была напечатана карикатура М. Свирина «Публичная пощечина». «В театре Комиссаржевской совершилось редкое событие: во 1-х, была поставлена пьеса Горького «Дачники», во 2-х, публика получила от писателя пощечину...» — таким эпиграфом предварил он свою карикатуру.

Через два месяца, 18 января, спектакль был запрещен полицией. На афише же стояло: «По болезни г-жи Комиссаржевской».

Е. БИНЕВИЧ

Лит. музей, 1954, 22 авг, № 34
с. 16